

МИЯ Т. БЕК

ОХОТНИЦА ЗА ЖЕМЧУГОМ

перевод Екатерины Шабновой

фэнтези

МИО

Мия Т. Бек
Охотница за жемчугом
Серия «Red Violet. Магия Азии»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69964930

Мия Т. Бек. Охотница за жемчугом: Манн, Иванов и Фербер; Москва;

2024

ISBN 9785002142002

Аннотация

Фэнтези-история, основанная на японской мифологии, о сестрах – искательницах жемчуга, и опасной сделке с богами в обмен на жизнь.

Кай и Киши – сестры-близнецы, их главный талант – добывать жемчужины с морского дна. Однажды обычно послушная Киши вдруг нарушает правила охоты и становится добычей Призрачного кита – бакэ-кудзиры.

Кай готова на все, чтобы вернуть сестру к жизни, но это не под силу обычному смертному... Ей придется заключить сделку с богами: в обмен на душу сестры Кай нужно украсть волшебную жемчужину у могущественной девятихвостой лисицы. И, ступая на этот путь, Кай должна рискнуть всем, что ей так дорого.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

От автора	7
1	9
2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мия Т. Бек

Охотница за жемчугом

Original title:

THE PEARL HUNTER

by Miya T. Beck

Научный редактор Диана Кикнадзе

Все права защищены.

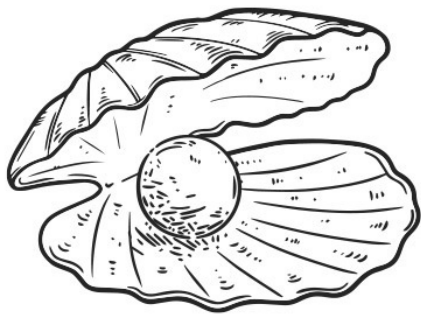
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2023 by Mariko T. Beck

This edition is published by arrangement with HG Literary and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Говарду и Талии, моей сущие и моему морю

*В мире сегодня
нет ничего
обычного.
Вот и настало
первое утро.*

Идзуми Сикибу

От автора

Дорогой читатель!

Я выросла неподалеку от пляжа в Южной Калифорнии. Звучит классно, не так ли? Но я всегда рвалась поскорее покинуть свой идеальный, словно с картинки, родной городок.

В детстве я больше всего хотела найти свое место. Но для девочки, у которой один из родителей азиатского происхождения, это непросто – особенно в школе, где большинство ребят белые. Другие школьники (и их родители) постоянно забрасывали меня вопросами: «Откуда ты? Почему у тебя такое странное имя? Почему у тебя глаза нераскосые?»

Занимайся я спортом, мне было бы, наверное, проще. Но вместо того, чтобы выигрывать футбольные кубки, я побеждала на соревнованиях по орфографии, а в солнечные дни предпочитала не убегать с серфом на пляж, а читать книжки. И когда взрослые называли меня застенчивой, я им верила.

Какое-то время я считала, что после знакомства с друзьями ребятами японского происхождения я наконец найду свое место. Узнаю побольше о культуре и языке, и все будет как надо. По субботам я занималась в местном буддистском храме, где пела песенку о том, как кукарекают японские петухи – *kokekoko*, – и научилась писать свое имя на хирагане. Но у детей, с которыми я там общалась, японцами были оба

родителя, а не один; кроме того, большинство уже хорошо говорили на японском, в то время как я понимала лишь пару фраз. Я вновь превратилась в белую ворону и через несколько месяцев перестала туда ходить.

Когда пришло время отправиться в колледж, я наконец покинула свой город и встретила людей, которые тоже не могли найти свое место. Я начала больше читать, путешествовала по Азии и Европе. Чуть позже стала журналистом и обнаружила, что отнюдь не застенчива. Я была довольно внимательной. Умела слушать. И потому смогла найти общий язык с людьми самого разного происхождения и точно передать их опыт в своих словах. В общем, я оказалась писательницей.

Как и Кай, мне пришлось покинуть дом, чтобы понять: то, что казалось мне слабостью, и то, что отличало меня от остальных, вполне получилось обернуть себе на пользу. Конечно, эта книга — для всех, кому нравятся приключения с морскими драконами и сверхъестественными лисами, но больше всего она для тех, кто не может найти свое место. Спасибо, что прочитаете историю Кай.

С теплом, Мия Т. Бек

Темные волосы Кай колыхались в воде, напоминая выпущенные кальмаром чернила.

Она протянула руки к Киши, своей сестре-близняшке, своему зеркальному отражению. Одинаковые ореховые глаза и усыпанные веснушками носы. Те же плечи и длинные сильные ноги – ноги ныряльщиц, что занимаются своим делом чуть ли не всю жизнь. Тем не менее различить их было легко – нужно было лишь знать, куда смотреть.

Правое ухо Киши торчало в сторону, словно цветок анемона, у Кай же выдавалось левое. У Кай пупок выпирал, а у Киши – нет. А еще Кай была левшой. Однако в тот момент в море единственное различие между ними, которое имело для Кай значение, было в том, что на Киши белела повязка ныряльщицы, а вот она... она свою еще не получила.

Течение трепало край повязки Киши и ее белый костюм. Киши протянула сестре руки, и Кай приготовилась ощутить прикосновение чужих пальцев, но вместо этого дотронулась до скользкой невидимой мембраны. Между ее пальцами и пальцами сестры могла бы вклиниться палочка для еды. Кай нахмурилась и снова нажала на барьер. Он не поддался. Она попыталась еще раз – безуспешно. Тогда Кай разглядела страх и отчаяние в глазах сестры.

– Кай, – пробормотала Киши, и изо рта ее устремились ввысь пузырьки воздуха. – Держись подальше от призрачной стены!

Глаза Киши подернулись дымкой. Ее руки соскользнули с мембраны.

Кай открыла глаза.

Сердце колотилось как безумное. Она еще толком не проснулась и никак не могла понять, где находится. Но вот она ощутила теплое, чуть кисловатое дыхание сестры. То, что Кай вначале приняла за далекие пейзажи с серыми и белыми контурами, оказалось головой Киши, позади которой вырисовывалась стена. Они лежали на футоне лицом друг к другу, почти соприкасаясь носами. С Киши все в порядке. Это был всего лишь сон. Сердце Кай потихоньку успокаивалось – она перевернулась на спину и уставилась в сотканный из тростника потолок. Что за призрачная стена, которой она касалась? Медузы бывают прозрачными. Неужели они наткнулись сегодня на гигантскую медузу? Или Кай просто

стало страшно – страшно впервые нырять одной? В некоторых деревнях верили, что близнецы рождаются с особыми силами – вроде тех, которыми обладают слепые шаманки, что могут говорить с богами и мертвецами. Кай и Киши понимали друг друга с полуслова, но медиумами они не были. Кай не понимала, какое послание могло заключаться в ее сне.

По небу разлилось розово-сиреневое полотно зари – Кай смотрела на нее сквозь решетчатое окно. А после взгляд ее упал на пояс с инструментами, принадлежавший тетушке Хамако. Он одиноко висел на крючке посреди комнаты с самого дня ее смерти – шесть жемчужных сезонов назад. Нож. Вот он, ее шанс, пока Киши еще спит. Их мама подарила Хамако затупленный нож ныряльщицы на день рождения; там, где лезвие встречалось с рукоятью, блестели речные жемчужины. Кай он всегда нравился.

Она выскользнула из постели и выхватила нож из своего пояса с инструментами. Прошлась на цыпочках по комнате и поменяла его на нож тети. Провела указательным пальцем по блестящим зеленоватым камням – по форме они напоминали детские зубы и сияли в полутьме. К горлу подступил комок, но Кай проглотила его. «Плачут только придворные поэты в столицах, – всегда говорила тетушка Хамако и утыкалась в рукав, изображая рыдания. – У нас, ныряльщиц, нет на это времени».

Хамако была для них больше старшей сестрой, чем тетей. Она рассказывала близнецам сказки на ночь, делилась с ни-

ми деревенскими сплетнями и всегда брала с собой в плавание на лодке или в поход в горы. Именно она научила их различать цветы, деревья, созвездия в ночном небе. Хамако находила радость во всем, что делала, и в этот особенный день Кай хотела взять с собой что-то принадлежавшее тетушке.

– Кай, ты что делаешь?

Она быстро развернулась и спрятала нож за спину. Киши приподнялась на матрасе-футоне – волосы спутаны, топик с широкими рукавами обнажил одно плечо.

– Ничего, – ответила Кай. – Просто вспоминаю Хамако. Вот бы она была здесь.

Киши скрестила руки и сощурилась.

– Положи назад, – приказала она.

Кай пихнула нож за пояс своей юбки-брюк и показала сестре пустые руки.

– Положить назад что?

Киши фыркнула и подошла к Кай. Та тут же встала между ней и поясом с инструментами. Киши схватила ее за руку, Кай вырвалась и отпрыгнула в сторону... и тут же поняла, что совершила ошибку. Киши стащила пояс Хамако с крючка.

– Так и знала! – произнесла она, доставая из него нож Кай с простой, ничем не украшенной рукояткой. – Положи назад.

– Хамако отдала бы его мне, – возразила Кай.

Киши приподняла левую бровь.

– Точно, потому что ты была ее любимицей.

– Да какая тебе разница? Ну возьму я ее нож! – рявкнула Кай. – Твой особенный день уже случился, госпожа Совершенство.

Обе сестры должны были закончить обучение в прошлом месяце, после испытания на дыхание. Мама считала до пятидесяти, а они без передышки ныряли на дно тридцать раз подряд. Но во время последнего нырка Кай достала три ракушки вместо одной, нарушив мамины правила. Она была вся в Хамако: та тоже всегда брала столько, сколько могла унести. Этих моллюсков не пришлось даже отрывать от камней. Девушке казалось неправильным оставить их там – они практически приглашали ее вытащить их на поверхность.

– Сколько раз я говорила тебе, брось это! – прокричала мама, когда Кай вынырнула на поверхность.

– Дело ныряльщиц опасное, мама... ты ведь сама говорила, – возразила Кай.

– Это не значит, что нужно делать его еще опаснее, – парировала та. – Один нырок – одна раковина.

– А на кладбищах в нас могут вселиться лисы, – продолжила Кай, ведь ходят об этом слухи. – Но мы все равно навещаем Хамако.

– Это не то же самое! – разозлилась мама. – Почему ты так упрямишься?

– Я не упрямлюсь! – крикнула Кай. – Это ты валяешь дурака!

Она не думала, что мама действительно ее накажет, но так оно и случилось. Киши совершила церемонию первого заплыва, а Кай осталась сидеть в лодке, кипя от злости. С тех пор Кай вела себя смиренно, как послушная дочь, и доставала со дна по одному моллюску за раз.

Киши расправила плечи, преисполненная праведного гнева.

– Мама очень разозлится, когда увидит тебя с этим ножом!

– Она узнает, только если ты ей расскажешь! – возразила Кай.

Киши цокнула языком и направилась к двери спальни – Кай схватила ее за рукав и выпалила худшее из того, что пришло ей на ум:

– Если расскажешь ей про нож, я расскажу про сына деревенского старосты!

Киши охнула и отдернула руку.

– Думаешь только о себе! – рывкнула она. – Потому-то тебя никто и не любит!

Кай буквально ослепла от ярости – только сестра могла довести ее до такого состояния – и с силой ущипнула Киши за руку чуть повыше локтя, где кожа была мягче всего. Киши вскрикнула, и Кай тут же почувствовала прилив вины – она ведь любила сестру. Но иногда внутри поднималась ненависть, темная, как самая глубокая морская впадина, – чувства эти были очень яркими. Киши выронила нож

и кинулась на сестру с кулаками, с силой ударив ее в грудь. Та споткнулась, налетела на стену и закричала от ярости. Оттолкнувшись от стены, она набросилась на Киши.

Дверь спальни внезапно распахнулась.

– Девочки, что у вас происходит?

На пороге стояла мама – ноги широко расставлены, кулаки уперты в бока, локти разведены в стороны. Она уже успела одеться для выхода в море: на ней были белая холщовая юбка и темно-синяя подбитая куртка, призванная защитить от утренней прохлады.

Кай тут же вытянулась по струнке, словно марионетка, которую резко потянули за ниточки. Не хватало лишиться еще одного шанса на заплыв! Киши сделала шаг вперед, закрыв собой лежащий на полу нож Кай.

– Ничего, мама, – ответила Кай.

Мама кинула взгляд на Киши, зная, что та скорее расскажет правду. Кай затаила дыхание. Что победит? Гнев или солидарность?

Киши опустила плечи.

– Ничего, мама, – подтвердила она.

Мама наградила их обоих предостерегающим взглядом и закрыла дверь. Киши подняла с пола нож Кай и бросила его на фuton, а затем отвернулась и стала собираться, перехватывая волосы лентой у самой шеи. Назло сестре Кай взяла нож Хамако.

Обычно по утрам Кай собиралась медленнее всех и в лод-

ке оказывалась последней, но сегодня умудрилась обогнать Киши. Кай натянула куртку и юбку для ныряния, с громким стуком распахнула дверь и вбежала в зал, в центре которого, у очага, сидела мама, складывая высушенные мидии и инжир в корзинку. У входа Кай остановилась и надела сандалии. Дверь их соломенного домика выходила на маленькую бухту, где на каменистом берегу покоились их лодки: рыбацкая и гребная. Кай вышла на веранду и всмотрелась в волны Свежего моря, которые в свете восходящего солнца напоминали розоватое зеркало.

На веранде валялись подносы и корзины для улова. Моллюски шли в дело полностью: мясо они выкладывали на солнце, раковины продавали ремесленникам, а найденный жемчуг очищали и прятали в кувшинах под полом кладовой. Дважды в сезон они продавали радужные драгоценности благородным домам в Тёве, столице Хейвадайской империи.

Прошлой осенью, в конце сезона, Кай и Киши отправились в столицу вместе с отцом: родители готовили дочерей к будущему, чтобы те могли самостоятельно вести дела, когда они состарятся. Путь занял весь день: они доплыли на лодке до порта Ниси на южном конце провинции Бива, а потом на запряженной волами повозке отправились по выбоинам и кочкам через горы. Близилась коронация императора, и жемчуг пользовался спросом: придворные дамы и господа готовили для этого торжественного события осо-

бые наряды. Советник Фудзивара назвал эру правления нового императора, который лишь недавно стал совершеннолетним, эрой вечного мира. Люди посмеивались над этим, зная, что эра эта закончится еще до того, как император возмужает: как только у него родится сын, советник принудит его отказаться от трона и посадит на него новоиспеченного несовершеннолетнего наследника – таким образом хитрец уже в течение трех десятилетий сам правил государством.

Во время первой поездки в столицу Кай испытывала смешанные чувства. Она восхищенно изучала громадные дома с прекрасными садами, ей нравились шумные улочки, по которым гарцевали на изящных лошадях господа в черных лакированных шляпах и прогуливались в паланкинах, украшенных пальмовыми листьями, дамы, полы чьих длинных шелковых одеяний подметали мостовую. В то же время в столице Кай все яснее осознавала положение их семьи: слуги великих домов смотрели на них с неприязнью, словно она и ее родные были крысами, приползшими полакомиться рисом.

Кай схватила два пустых ведра и отнесла их к рыбацкой лодке. Затем подошла к сараю, расположенному в стороне от хижины и окруженному кустами винной ягоды. Она открыла дверь, взяла стопку неглубоких круглых корзин и бадью с углем – им они растапливали печку в центре лодки. Занимаясь делами по дому, Кай всегда вспоминала Хамако. Раньше они с Киши собирали ягоды и чистили моллюс-

ков, пересказывая друг другу тетины сказки. Одна начинала: «Давным-давно», а вторая подхватывала. Иногда они изменяли истории, дополняя их: например, сказку о добродетельной принцессе Хасэ, чьи стихи успокоили ревущую реку. Завистливая мачеха принцессы приказала слуге отвести девочку в горы и убить ее, но слуга ослушался своей повелительницы и спрятал Хасэ в маленьком домишке. С этого момента Кай и Киши рассказывали историю по-другому: в тетиной версии принцессу должен был спасти император, но девочки выдумали целый отряд спасителей – группку крошечных домашних фей. Маленький самурай с мечами-зубочистками каждую ночь учил принцессу пути меча, а слепая шаманка поделилась с ней стихами, способными контролировать реку. В их истории принцесса Хасэ сама завоевала империю и отомстила мачехе, наслав на столицу потоп, смывший злодейку в море.

Кай ткнула горячие угли палкой, и у нее перехватило дыхание. Они так давно не рассказывали друг другу сказок. Когда Кай попыталась сделать это в прошлый раз, Киши пожала плечами и произнесла: «Тебе не кажется, что мы уже слишком взрослые для сказок?»

Кай напомнила сестре, что Хамако, хоть и была взрослой, все равно рассказывала им сказки, но все же больше сестру не донимала. Кай не понимала, от чего ей больнее: от того, что они с сестрой перестали почитать память Хамако, или оттого, насколько отдалились друг от друга.

Кай выбросила палку в песок и протянула ладони к огню, чтобы согреться. Краем глаза она подметила, что из дома вышли, держась за руки, Киши с мамой. Прошлым летом сестры обогнали мать в росте, и это было так волнительно! Теперь они обе возвышались над ней на целую голову! Но тогда-то все и начало меняться. Раньше Киши презирала деревенских мальчишек – так же сильно, как Кай. В их деревне бытовало поверье, что близнецы приносят неудачу, что они чудовища и проклятие, посланное богами. Когда они родились, повитуха посоветовала родителям сделать вид, что у них появился лишь один ребенок, и оставить себе Киши, старшую, а от Кай избавиться. Но мама ответила, что в семьях ныряльщиц близнецов почитают, – для нее девочки были двойным благословением. Деревенские мальчишки шарахались от них, как от прокаженных. Сколько Кай себя помнила, они всегда бросались в них камнями и обидными словами: «Пошли прочь, грязные русалки!»

А теперь те же самые мальчишки пытались привлечь внимание Киши. Бывало, когда сестры ходили в деревню, чтобы обменять высушенные мидии на просо, один из них хватывал из рук Киши сумку, чтобы она за ним погналась. Иногда мальчишки даже дрались друг с другом – лишь бы Киши посмотрела в их сторону. На прошлой неделе сын старосты догнал сестер и принялся хвастаться, что подстрелил фазана с тысячи шагов. Судя по его мягким щекам и таким же мягким рукам, он не смог бы подстрелить птицу, да-

же если бы та взлетела под самым его носом. Сын старосты всегда отличался самодовольством, что Кай находила удивительным, ведь он был невысоким, полным и кривозубым. Однако теперь Кай заметила, что он вытянулся, сравнившись с ними ростом, и похудел. Зубы его больше не казались такими уж большими, и, когда он обещал, что выиграет на летнем фестивале соревнование стрелков, в его голосе слышалась хрипотца. Киши захихикала. Кай закатила глаза. Стоило ей посмеяться над тем, как сестра поощряет мальчишек, Киши обижалась и говорила, что она просто завидует. Может, так оно и было. Ведь они были близнецами, но Киши пользовалась большей популярностью.

Кай плохо помнила: или она сама шла чересчур быстро, или Киши с сыном деревенского старосты отстали. Но, когда она добралась до камня спящей кошки, что покоился в тени деревьев гинкго, среди которых они играли в прятки, парочка оказалась далеко позади. Кай присела на нагретую солнцем спину каменной кошки и стала ждать. Вдруг сестра и ее поклонник сошли с тропы. Кай из любопытства – что-то ведь привлекло их внимание! – пошла за ними. Чем ближе она подходила, тем лучше слышала низкий голос сына старосты и сестринский смех. Кай обошла дерево гинкго и увидела Киши в объятиях мальчишки. Она громко охнула, и Киши тут же отпрянула от него, залившись краской. Позже Кай предостерегла сестру: староста ни за что в жизни не позволит сыну встречаться с девушкой из семьи ныряльщиц за жемчу-

гом. Киши не захотела ее слушать – убежала прочь и не разговаривала с ней два дня. Кай не хотела ее обидеть, просто она не могла представить сына старосты в их лодке, с веслами наперевес.

– Мама, ты только глянь! – воскликнула Киши. – Должно быть, в Кай вселился трудолюбивый дух! Она уже все подготовила!

– Да, мне нравится эта новая Кай, – ответила мама, прищурив темно-карие глаза и улыбнувшись. – Пожалуй, вызывать экзорциста пока не будем.

Кай сердито глянула на сестру.

– Шутки у тебя такие же глупые, как один наш знакомый деревенский мальчишка, – пробурчала она.

Киши показала ей язык и уселась на лавочку подальше от сестры. Мама залезла следом и поставила корзинку с едой под сиденье напротив Киши. Они всегда сидели на одних и тех же местах: место рядом с матерью и напротив Кай оставалось пустым.

Небо словно горело ярким красным пламенем, а поверхность моря сияла насыщенным розовым оттенком. Мама поднесла ладони к печи – девять тонких пальцев и обрубок мизинца, который она потеряла много лет назад, когда стала отправляться в море одна. Однажды ее руку придавило камнем, и маме пришлось рвануть ее, потеряв кончик пальца, но зато она сумела подняться на поверхность и не задохнуться. У камней не было зубов, клыков или любого другого

оружия, но они оставались самым опасным врагом ныряльщиц за жемчугом.

В тот день, когда умерла Хамако, Кай и Киши сидели в лодке и перекладывали моллюсков из корзин в ведерки. Отец вдруг сорвал с себя рубаху и прыгнул в воду, а мать, которая едва успела вынырнуть, тут же вновь погрузилась в пучину. Кай веслом пододвинула качающуюся на волнах корзину их матери к лодке, а Киши свесилась через борт и втащила ее внутрь. А после они забрались на скамью и взялись за руки – оставалось только ждать. Кай знала, что Киши, как и она сама, считает про себя секунды. Когда они досчитали до двадцати, Кай повернулась к сестре – они поняли друг друга без слов. Нужно нырять. Но только они согнули колени и приготовились к прыжку, как над водой показалась мама. Отец появился мгновением позже, держа на руках Хамако – с остекленевшими глазами, окровавленной, искалеченной рукой. С тех пор мать придерживалась правила одной ракушки. Кай могла задерживать дыхание дольше, чем любой другой член их семьи, но мама все равно говорила, что ей может понадобиться время – на случай, если что-то пойдет не так. Кай понимала ее страх, но терпения ей не хватало. Нырять за моллюсками было так скучно: одно и то же, раз за разом. Вот охота за гигантским морщинистым осьминогом или камбалой, притаившейся в песке, – другое дело, только ради этого и стоило погружаться под воду. Кай собирала моллюсков уже после, стараясь взять за раз

как можно больше, чтобы наверстать упущенное время.

Однако именно мать могла запретить Кай нырять в оди-
ночку. Поэтому ей пришлось проглотить свою гордость и иг-
рать по правилам, и вот ее день настал. Почему же отец так
долго собирается? Кай устала ждать – выпрыгнула из лод-
ки и добежала до дома. Сунув голову в окно, она увиде-
ла, как отец надевает свою широкую соломенную шляпу.
Она была ему маловата – к концу дня на лбу у него оставался
красный след. Тем не менее он упрямо продолжал носить эту
шляпу и говорил, что она помогает ему не заснуть – именно
потому, что тугая.

– Папа, давай же! – поторопила его Кай. – Пора уже!

– Спешу-спешу! – Он широко улыбнулся, обнажив ряд
ровных зубов. – Пока все моллюски не разбежались!

– Пока мама не передумала, – мрачно протянула Кай.

Отец потрепал ее по голове грубой рукой.

– Полегче с ней, – попросил он. – Она ведь просто хочет
защитить тебя.

– Мы ведь не знаем наверняка, из-за чего именно погибла
Хамако... – проворчала Кай.

Хамако всегда выныривала с двумя ракушками в каждой
руке, да еще и умудрялась заткнуть одну за пояс.

Отец вздохнул.

– Когда случается что-то ужасное, мы пытаемся найти это-
му объяснение. Ищем причину. Что-то, что сможем обви-
нить. Чтобы пережить это, – ответил он. – Если твоей мате-

ри от этого легче, то что же здесь плохого? Ведь оттого, достанешь ты одного моллюска или четырех, не зависит судьба Хейвадайской империи.

Кай кивнула и направилась к лодке, не поднимая глаз от земли. Ей стоило быть тактичнее. Как сестра. Кай заняла свое место, и отец оттолкнул лодку от берега, а потом запрыгнул в нее и подошел к передним скамьям, задев ногой локоть дочери. Отец любил шутить, что боги слепили его из всякого ненужного хлама: верхняя часть его туловища была мощной, как у вола, а ножки – тонкими, как бамбуковые палочки. Он был самым быстрым гребцом среди всех жителей рыбацких деревень этой части Свежего моря. Каждый год на летнем фестивале в честь морских богов он выигрывал соревнования. Но даже несмотря на это, обитатели деревни считали его недостойным, ведь он был женат на ныряльщице за жемчугом. А отец шутил, что уж лучше быть недостойным человеком, чем обезьянней задницей.

Лодка неслась к горизонту, и морской бриз щекотал кожу на бедрах Кай. Она чуть поежилась и приподняла плечи в попытке согреться. Живот скрутило, по коже разбежались нервные мурашки. Она подняла взгляд на Киши, ища утешения, но сестра смотрела на море. У нее был такой же мечтательный вид, как когда она разучивала танец синих волн для фестиваля. Или когда раскладывала свою коллекцию ракушек по цвету и размеру. Но почему? О чем она думала? О сыне деревенского старосты? Кай не понимала, что сестра

вообще в нем нашла.

Вот бы все снова стало так, как прежде, когда они были детьми. Кай не нравилось, как меняется ее тело. Не нравилось, как стали выдаваться под костюмом ныряльщицы грудь и бедра. Не нравилось, что деревенская сваха начала навещать в семье, где были девочки их возраста. Но больше всего ей не нравилось, что Киши предпочитала хихикать и шептаться с сыном деревенского старосты, а не со своей сестрой. Она хотела вернуть те ленивые деньки на пляже, когда они играли ракушками, словно куклами, строили маленькие домики из прибитых к берегу веток и давали своим игрушкам дурацкие, чересчур банальные имена – вроде Пятнышка или Полосочки. Если они ссорились, мама и Хамако разводили их в стороны. Киши помогала маме готовить, а Кай с тетей убирался в саду. Однако через пару минут они уже начинали подавать друг другу сигналы руками, а еще через пару ускользали из дома, чтобы проследить за лежащим в гамаке отцом: они представляли, что он страшный великан, и каждый раз, когда он на них смотрел, хватались друг за друга, визжали и смеялись.

Теперь же они ссорились все чаще, а мирились все реже. Кай не понимала почему.

Отец перестал грести, и мама открыла свою сумку. Она поднялась, держа в руках белый с фиолетовыми отметками шарф ныряльщицы, свернутый в аккуратный треугольник.

– О могучие морские боги, – начала она. – Смирненно представляю вам свою дочь Кай, что продолжит традиции нашей семьи и станет ныряльщицей за жемчугом. Мы благодарим вас за защиту и щедрость.

В горле у Кай встал комок. Она склонила голову и приняла из рук матери шарф.

– Я принимаю эту честь и благодарю Бэндзайтен, – проговорила она, упомянув морскую богиню, которой поклонялись ныряльщицы.

Кай повязала шарф на голову – узел лег на шею – и сбросила куртку. Киши передала ей корзину для сбора моллюсков и закрепила на поясе перевязь. Кай прижала корзину к груди и встала на край лодки. Нырять на рассвете тяжелее всего. Море в это время кажется странным, почти живым. По волнам разливался желтый и розовый свет, и Кай казалось, что она спит. Какой-то частичкой своей души она боялась, что, нырнув, потеряется в этих безумных завихрениях. Навсегда.

Обычно Кай ныряла, как мать: поворачивалась спиной к морю и падала. Иногда она следовала примеру Киши: прыгала боком, оттолкнувшись ногами. Сегодня она решила войти в море, как Хамако, – глядя прямо перед собой. Кай выбросила вперед корзинку и прыгнула в воду, прижав руки к бокам и вытянув ноги, – тонкая, словно палочка для еды.

Ледяной холод быстро сменился знакомым спокойстви-

ем: под Кай разверзлась прохладная, мутноватая синева. Она вынырнула, подплыла к корзинке и сделала глубокий медленный вдох. Ее легкие распахнулись так широко, что ей показалось, будто они вот-вот вырвутся из ее груди. Кай погружилась в бездну.

Она сделала несколько гребков руками, чтобы разогреть мышцы. Кай думала, что без матери под водой ей станет одиноко, но этого не произошло. Мимо нее проскользнула стайка мелких рыбешек. Серебристые рыбки словно посылали ей десятки воздушных поцелуев. Кай коснулась дна и пошарила руками по камням, вспугнув сердитую камбалу.

Нащупав темно-синий овал, она достала из пояса с инструментами половинку раковины и опустила ее на камни радужной стороной вверх, отметив таким образом нужное место. Затем Кай взяла нож Хамако и принялась отковыривать моллюска. Закончив, она распрямилась и стала подниматься на поверхность, ориентируясь на темный круг колышащейся на волнах корзины. У самой поверхности она задержалась и медленно выдохнула, поднимая голову над водой. Свободной рукой Кай утерла глаза и закинула моллюска в корзину. Со стороны лодки раздались хлопки. Кай прижала корзину к груди и растянула губы в улыбке. Теперь она на самом деле стала ныряльщицей.

Киши и мама тоже прыгнули в воду, отплыв от лодки со своими корзинами, – образовался треугольник. Они принялись за работу, ныряя в самую глубину. На третьем нырке

Киши показала сестре четыре пальца – значит, выловила уже четырех моллюсков. Не будь Кай под водой, она бы ахнула. Киши решила посоревноваться! Пусть Кай умела дольше задерживать дыхание, но Киши быстрее плавала. Ей не стоило принимать вызов – это уколёт Киши сильнее, чем проигрыш. Но Кай любила соревнования. Ей хотелось обогнать Киши. Хотелось утереть ей нос. И вовсе не из-за истории с тетиным ножом, а за то, что сестра тогда сошла с тропы с сыном деревенского старосты.

Чтобы победить, Кай придется либо ускориться, либо набирать больше моллюсков за раз. Если родители заметят это, ее будет ждать неплохая взбучка, да и утреннюю вылазку наверняка отменят. Она решила не отставать от Киши – насколько это возможно, – а на последнем нырке захватить с собой как можно больше моллюсков. Так и победит!

Сестры продолжали нырять, показывая друг другу пальцы. Когда Кай насчитала девятнадцать, у Киши набрался уже двадцать один. Мышцы Кай обмякли, словно переваренная лапша. Воды становились все более беспокойными – отец наверняка скоро позовет их обратно в лодку.

Кай рванула на себя моллюска, не рассчитав сил, и он выпал из ее рук прямо на клочок тонких водорослей. Пока Кай искала его, Киши распрямила плечи, прогнулась и начала подниматься на поверхность. Она дважды подняла указательный и средний пальцы. Двадцать два. У Кай не оставалось времени. Всякий раз, когда она мысленно себя ру-

гала, в голове ее раздавался голос тети: «Возьми другую. Не теряй времени». Кай подняла взгляд – мама толкает свою корзинку к лодке. На сегодня это всё. Кай метнулась туда, где утром нашла первого моллюска и схватила четыре штуки, по два в каждую руку. Легкие горели. Кай оттолкнулась от дна и стала подниматься к поверхности. Когда она вынырнула, Киши встретила ее победоносной улыбкой. Кай закинула в корзинку четырех моллюсков, они громко клацнули.

– Двадцать три, – произнесла она.

Улыбка Киши потускнела. Мама поднялась в лодке, уперев руки в бока.

– Кай, – сказала она. – Поверить не могу. Как мне тебе доверять?

Отец вооружился бамбуковой палкой, которой обычно помогал им забраться в лодку. Но прежде, чем палка дотянулась до них, Киши вдруг сделала глубокий вдох и исчезла под водой. Она следовала правилам: для победы ей нужно было достать лишь одного моллюска. Но Кай все еще могла ее обогнать.

– Киши, Кай! – закричала мама. – А ну вернитесь!..

Кай нырнула, не услышав конец ее тирады. Она понеслась ко дну – руки ее дрожали от усталости. Киши уже добралась до низа, и ее черные волосы развевались у нее за спиной, словно шарф. Кай видела, как мелькали впереди ее ступни. Киши пошарила слева, а потом справа, но ничего не нашла. Кай ускорила. Она почти добралась до дна, как вдруг ее

накрыло холодной волной, и песок под ее ногами потемнел. Она подняла взгляд. Что бы над ней ни проплыло, оно было огромным. Когда тень исчезла, Кай поспешила к лодке.

– Там что-то есть, – выдохнула она. – Что-то большое.

Корзина Киши покачнулась и понеслась по волнам. Сердце Кай забилося где-то в области горла. Отец сбросил куртку и нырнул в море.

– Кай, возвращайся в лодку! – прокричала мама, вытянув бамбуковый шест.

Но Кай обязана была помочь сестре. Она отвязала от пояса веревку и последовала за отцом. Тот уже преодолел две трети пути – он держал оторванный конец привязи Киши и отчаянно кружил в воде, пытаясь найти ее. Внутри у Кай все похолодело. В ушах раздался звон.

Нет, этого не может быть. Нет, нет, нет. Киши не могла исчезнуть!

Ее снова накрыло холодным течением. Между Кай и ее отцом появился огромный мертвенно-белый коготь – нет, гигантский клюв... Или... Нет, скелет кита! Но мертвые киты не плавают, тем более с такой скоростью! Вдруг Кай увидела Киши – та оказалась заперта в китовой грудной клетке и отчаянно била кулаками. Кай подплыла к ней, не думая об опасности. Она протянула к сестре руку и наткнулась пальцами на гладкую кожу. И тогда Кай вспомнила свой сон – призрачная стена. На мгновение они словно превратились в зеркальные отражения друг друга – нос к носу, рука

к руке. Кай поняла, что во сне Киши предупреждала ее во-
все не о «призрачной стене». Она предупреждала ее о ките:
«Держись подальше от призрачного кита».

Хамако рассказывала им историю о бакэ-кудзире, при-
зрачном ките, тысячи раз. Как она могла о нем забыть?
Кай достала нож, из-за которого они с Киши поссорились,
и ударила им по невидимой коже. Затупленное лезвие скрип-
нуло и соскользнуло. Тогда Кай попыталась ухватиться за ки-
та, пока он не уплыл, – но держаться было не за что. Ей оста-
валось лишь смотреть, как бакэ-кудзира, дернув костяным
хвостом, уносится прочь вместе с ее сестрой.

Кай всплыла на поверхность, тяжело дыша и отплевываясь. Отец уже забрался в лодку – с его бледного лица градом катились капли воды. Он перегнулся через край и помог Кай забраться внутрь. Мама лежала между скамьями, свернувшись в клубок. Кай отвернулась – ей невыносимо было видеть ее такой.

– Он уплыл вон туда! – Кай указала в море.

Отец направил лодку в указанную сторону, а потом повернул, следуя за тенями на пестрой воде.

И как Кай не поняла, что сон был предостережением?

Когда Хамако рассказывала о бакэ-кудзире, она зажигала во всей комнате свечи, облачалась в белую робу и вытягивала руки, изображая в этом тусклом свете кита, спасшего от ужасного шторма рыбацкое суденышко. Вместо благодар-

ности за безопасное возвращение домой деревенский староста приказал рыбакам убить кита – ведь его мяса хватило бы на целую зиму. Рыбаки, конечно, отказались.

Когда Хамако добиралась до той части истории, в которой староста выходил на кита с гарпуном, она делала вид, что теряет сознание, и падала на пол. Накрытая своей белой робой, она лежала без движения до тех пор, пока Кай и Киши не приближались к ней на цыпочках и не поднимали ткань. Тогда Хамако вскакивала, а сестры заходились радостными криками. Хамако кружилась по комнате, изображая призрачного кита, который распугивал рыб и нападал на рыбацкие лодки. Это продолжалось до тех пор, пока жители деревни не принесли его убийцу в дар морю. Увидеть призрачного кита – к беде. Морские боги гnevаются. Но Киши не заслужила наказания.

«Это я нарушаю правила, – подумала Кай. – Я – плохой близнец».

Что, если кит забрал сестру по ошибке?

Их лодка носилась по морю, казалось, целую вечность, меняя курс всякий раз, как Кай замечала вдалеке водную рябь. Когда солнце поднялось высоко в небо, глаза ее уже горели от боли, а руки отца тряслись от усталости. Мама все так же качалась, плача, – надрывный звук ее рыданий пронзал Кай, будто копье.

– Нужно вернуться и попросить других помочь в поисках! – произнес отец, стирая со лба капли пота.

– Нет! – пронзительно вскричала Кай. – Мы потеряем время!

– Кай, мы останемся в море навсегда, если я не перестану грести, – выдохнул он.

– Тогда позволь мне! – Кай попыталась выхватить у него весла. – Папа, пожалуйста!

Он не выпускал весел, как бы сильно Кай ни тянула. Тогда она опустила руки, схватилась за голову и, повернувшись к морю, издала душераздирающий крик.

– Прости, Кай.

Отец развернул лодку. В глазах его блеснули слезы.

Когда умерла Хамако, мама завернула ее тело в полотенце и держала ее в объятиях, пока они не приплыли домой. Кай тогда никак не могла отвести взгляда от пустых глаз тети. Она, казалось, не чувствовала грусти – внутри нее словно образовалась ледяная пустота. Кай не могла поверить в смерть Хамако. Может, она притворяется? Да, должно быть, это так. Как тогда, когда она изображала смерть бакэ-кудзиры. Кай верила, что Хамако вот-вот вскочит на ноги, хитро улыбнется и закричит: «Попались!» Миновало множество сезонов охоты за жемчугом, а пояс тети все так же висел на крюке в комнате, и пустота так и не отступила.

Теперь же Кай будто превратилась в самую боль – хуже, чем тысячи укусов медуз. Ее словно пронзил мечом забредший как-то в деревню солдат – он ведь предупреждал, что, если они не поделятся своим добром, так и произойдет.

Наконец они добрались до берега: лодка скользнула на песок, отец выпрыгнул на сушу и тут же свалился от усталости, ободрав ладони и колени о камни. Он с невероятным усилием оттащил лодку подальше от воды. Мама взывала. От ее воя у Кай стучали зубы. Нужно было убраться отсюда подальше.

Она схватила две грязные корзины с моллюсками и отнесла их на веранду. Поставила у двери и зашла в дом, чтобы переодеться. Кай заглянула в спальню, которую делила с сестрой, и у нее перехватило дыхание. Сначала Хамако, а теперь и Киши. Кай стащила с себя шарф ныряльщицы и закинула его в угол, а потом достала из-за пояса нож Хамако и бросила его в стену – на ней остался след. Тяжело дыша, Кай упала на futon и схватилась руками за голову. Ледяной ужас проникал в нее, поднимаясь от земляного пола, расцветал в груди и вырывался из загрубевших кончиков пальцев. Она поссорилась с сестрой прямо перед нырянием. Почему, почему она такая глупая? Она ведь знала, что несчастье может поджидать когда угодно! Знала, потому что это уже случилось с Хамако! Кай услышала, что родители возвращаются в дом, и быстро переделалась в белую рубаху с широкими рукавами, которую заправила в желтовато-коричневую юбку-брюки. Ей стоило бы разобрать оставленных на веранде моллюсков – хоть как-то помочь матери. Киши бы так и сделала. Но Кай не стала. Просто не могла. Вместо этого она вернулась к лодке.

Кай подняла с лавки темно-синюю куртку и завернулась

в нее, дрожа под лучами яростно палящего солнца. Через несколько минут из дома выскочил отец и бросился к деревне – к рыбакам в доках. Когда он вернется, Кай отправится на поиски вместе с ним. Ее сестра все еще где-то там, в море. Если бы она умерла, Кай бы это почувствовала, разве нет?

Входная дверь распахнулась, и на веранду вышла мать, одетая в шелковое платье цвета морской волны – благодарность знати за хороший жемчуг. Даже у жены деревенского старосты не было такого красивого платья.

– Пойду в храм, помолюсь, – сказала мама; кожа вокруг ее глаз покраснела и припухла. – Пойдем со мной.

Кай покачала головой:

– Я вернусь с папой в море.

Мать скривила лицо так, словно проглотила маринованный редис, втянула щеки и нахмурила брови.

– Пусть мужчины делают свою работу, – произнесла она. – А мы пойдем в храм.

– Но я могу помочь! – возразила Кай.

– Они умеют искать, – сказала мама.

– Я хочу остаться с папой, – настаивала Кай.

Мама опустила взгляд. На лице ее калейдоскопом сменялись эмоции.

– Ты знаешь, каково нашей семье в этих краях, – прошептала она. – Если в лодке ты будешь кричать и плакать, мужчины почувствуют себя неуютно. Прошу... с тобой им станет только сложнее.

Кай скрестила руки на груди и сжала губы.

Мама сверкнула глазами.

– Ну почему ты такая упрямая? – закричала она. – Почему не слушаешь меня? Этого не случилось бы, если бы вы не играли в свои дурацкие игры!

Выпалив это, она тут же поднесла ко рту ладонь, но было слишком поздно.

Внутри Кай все перевернулось – она будто провалилась под лед, в холодную-холодную воду. Киши не пропала бы, если бы она позволила ей выиграть. Мама была права.

– Не говори так! – закричала Кай, хотя знала, что та права.

Она вылезла из рыбацкой лодки и столкнула в воду маленькую, двухместную, которую отец сделал для них в прошлом году в качестве подарка на Новый год.

– Прости! – взмолилась мать. – Возвращайся домой. Нам нужно успокоиться. Кай, прошу тебя!

– Нет! – закричала она, запрыгивая в лодчонку и начиная грести так быстро, как только могла, отважно сражаясь с течением. – Я найду Киши!

Мама забежала в воду по самые колени.

– Кай! – отчаянно звала она.

По лицу Кай струились слезы. И мама, и берег – все расплывалось. Она гребла, пока хижина не превратилась в точку на горизонте. Пока не заболели плечи, пока не лопнули мозоли, появившиеся на ее руках. Когда боль от них стала нестерпимой, Кай втянула весла в лодку и рукавом утерла

с лица слезы и пот. Где-то слева от нее, поднимаясь над волнами, словно панцирь испуганной черепахи, лежал Бамбуковый остров. Кай попыталась разглядеть рыбацкие лодки, но поискового отряда не увидела. Она могла бы дожидаться отца и остальных мужчин. Он бы попытался убедить ее, что в случившемся нет ее вины. Но Кай бы ему не поверила, и все стало бы только хуже. Даже хуже, чем честные мамины слова.

Она рвано вдохнула и вновь утерла лицо рукавом. Голова болела от непрерывных рыданий. Раньше Хамако частенько брала ее с собой на Бамбуковый остров – там они исследовали лавовые пещеры. Она помнила, что где-то между пляжем и скалами высился курган. Хамако рассказывала, что он был местом захоронения гигантского карпа, который решил потягаться с Драконом-повелителем – морским богом, живущим в коралловом дворце глубоко в Свежем море. Другие жители деревни, с куда более скудным воображением, говорили, что это была могила кита из преданий. Может, бакэ-кудзира поплыл туда?

Кай направила лодку к острову. Добравшись до берега, она выпрыгнула из лодки и вытащила ее на песок. По усеянному бамбуковым лесом холму гулял легкий ветерок, в ярко-голубом небе висели перистые облака, похожие на рыбью чешую. Такой до ужаса обычный день, такой прекрасный... Можно поверить, что призрачный кит им просто приснился и Киши вот-вот скажет: «Просыпайся, соня, пропустишь

собственное посвящение».

Кай была на этом острове всего за несколько недель до смерти Хамако. Ветер тогда растрепал ее отросшие до плеч волосы так, что они стали похожи на львиную гриву. Тетя шла вперед очень стремительно.

«Помедленней», – попросила Кай.

«Надо успеть в пещеры, пока не начался прилив, – прокричала Хамако в ответ. – Разве ты не хочешь спасти несколько улиток? Одна из них может оказаться принцессой, которая приведет тебя к Дракону-повелителю!»

Кай закатила глаза, потому что с тех пор, как они в последний раз спасали улиток, прошло уже три сезона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.